П. КРОПОТКИН.

АНАРХИЧЕСКАЯ РАБОТА ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГОЛОС ТРУДА".
ПЕТЕРБУРГ—МОСКВА.
1920.

Первые 5 тысяч.

П. КРОПОТКИН.

АНАРХИЧЕСКАЯ РАБОТА ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГОЛОС ТРУДА“.
ПЕТЕРБУРГ—МОСКВА.
1919.

Военная Типография (пл. Урицкого, 10).

Предисловие к французскому изданию.

Настоящие страницы являются перепечаткой статей, помещенных в нашей газете „Новые времена“ („Temps Nouveaux“). Они составляют часть целого ряда статей, появившихся под общим названием: „Задачи революционной мысли в революции“, и первая половина которых была перепечатана в серии брошюр, изданных нашей газетой, под названием: „Задачи революционной мысли в Революции“ и „Основное начало анархизма“.

Мы живем в ожидании важных событий. Вот, почему все работающие и все те, кого беспокоит успех будущей революции, хорошо бы сделали, если бы вдумались в мысли, изложенные на настоящих страницах, и, согласившись с ними, постарались бы применить их к жизни.

Петр Кропоткин.

Май 1914 г.

Предисловие к русскому изданию.

Пересматривая эту брошюру для теперешнего издания, я мог только все время чувствовать на основании уроков русской революции, насколько необходим был призыв именно к построительной работе самих масс для успеха переворота. Как безнадежна революция, если она не проникнется этим основным началом.

П. К.

Август 1919 г.

Анархическая работа во время Революции.

Избиение буржуа ради триумфа революции— это безумие. Одно их количество уже не допускает этого; ибо кроме тех миллионов буржуа, которые по гипотезе современных Фукье-Тенвиллей должны исчезнуть, есть еще миллионы работников полу-буржуа, которые должны за ними следовать. В самом деле, эти в свою очередь не желают ничего иного, как превратиться в буржуа, и они старались бы сделаться ими, если бы существование буржуазии не было поражено в своих причинах, а только в своих следствиях. Что касается организованного и законного террора, то он в действительности служит лишь для того, чтобы ковать цепи для народа. Он губит индивидуальную инициативу, которая и есть душа революции; он увековечивает идею правительства сильного и властного; он подготовляет диктатуру того, кто наложит свою руку на революционный трибунал и сумеет им руководить с хитростью и осторожностью, в интересах своей партии.

Будучи оружием правителей, террор служит прежде всего главам правящего класса; он подготовляет почву для того, чтобы наименее добросовестный из них добился власти.

Террор Робеспьера д о л ж е н был привести к террору Тальена, а этот—к диктатуре Бонапарта. Робеспьер привел к Наполеону.

Чтобы победить буржуазию, нужно нечто совсем противоположное тому, что составляет ее действительную силу, другие элементы, чем те, которыми она так хорошо научилась управлять. Поэтому нужно прежде всего узнать, что составляет ее силу, и этой силе — противопоставить другую, высшую силу.

Кто же, в самом деле, позволил буржуа провалить все революции, начиная с пятнадцатого века? Пользоваться ими для порабощения и увеличения своего господства, на основаниях более солидных, нежели уважение религиозных суеверий или право рождения аристократии?

Это—государство. Это—беспрерывное увеличение и расширение обязанностей государства, основанное на более крепком фундаменте, нежели религия и право наследия — на законе. И поскольку государство будет существовать, поскольку закон останется священным в глазах народов, поскольку революции будущего будут работать над сохранением и расширением прав государства и закона—буржуа будут уверены в сохранении своей власти и в господстве над массами. Законоведы, составляющие всемогущее государство,—вот, источник происхождения буржуазии, и это же всемогущее государство создает действительную силу буржуазии. При помощи закона и государства буржуа захватили капитал и создали свою власть. При помощи закона и государства они ими управляют. При помощи закона и государства они обещают излечить те болезни, которые подтачивают общество.

В самом деле, пока все дела страны будут переданы нескольким и эти дела будут так безвыходно сложны, как сегодня,—буржуа смогут

спать спокойно. Это именно они, помня римские предания о всемогущем государстве, создали, выработали и образовали этот механизм: это они поддерживали его на протяжении всей современной истории. Они изучают его в своих университетах; они руководят им в своих трибуналах, они показывают его в школах; они распространяют его и твердят о нем в своей прессе.

Их ум так хорошо приноровлен к традициям государства, что они не отделяют себя от него даже в своих грезах о будущем. Их утопии носят его отпечаток. Они ничего не могут придумать вне принципов римского государства относительно структуры общества. Если они встречают учреждения, развившиеся вне этих понятий, будь то в жизни крестьян, или в жизни другого класса, они их уничтожают, вместо того, чтобы узнать их смысл. Таким же образом якобинцы продолжали дело разрушения народных учреждений Франции, начатое Тюрго. Он уничтожил первые деревенские сходки, которые существовали еще в его время, находя их слишком шумными и плохо устроенными. Якобинцы продолжали его работу: они уничтожили родовые общины, которые спаслись от секиры римского права; они нанесли смертельный удар общинному праву на землю; они издали драконовские законы против общинных прав и уничтожали вандейцев тысячами, вместо того, чтобы постараться понять их народные учреждения. И современные якобинцы, встречая коммуну и союз племен среди кабилов, предпочитают уничтожать эти учреждения своими трибуналами, нежели изменить своей идее римской собственности и иерархии. Английские буржуа сделали то же самое в Индии. Таким образом, в тот день, когда Великая Революция прошлого века приняла все римские идеи о всемогущем

государстве, которым Руссо придал свой сантиментализм, выставив их с печатью римско-католического Равенства и Братства, в день, когда революция приняла за основу социального строительства собственность и избирательное правительство, — работа по организации и управлению Францией согласно этих принципов выпала на долю буржуа, внуков „законоведов" XVII века.

Народу больше нечего было делать, ибо его творческая сила была направлена в совершенно иную сторону.

II.

Если по несчастью во время будущей революции народ еще раз не поймет, что его историческая миссия—уничтожить государство, созданное кодексом Юстиниана и папскими эдиктами; если он еще раз позволит ослепить себя идеями римского права о государстве и собственности (над чем упорно работают социалисты-государственники)—тогда ему еще раз придется предоставить заботу об устройстве этой организации тем, которые являются истинными историческими представителями, т.-е. буржуа.

Если он не понимает, что истинный смысл народной революции это разрушение неизбежно иерархического государства, для того, чтобы поставить на его место свободное соглашение индивидуумов и групп, т.-е. федерацию свободную и временную (каждый раз с какой-нибудь определенной целью); если он не понимает, что нужно уничтожить собственность и право приобретения, отменить господство избранных, которое заменило свободное соглашение всех; если народ отказывается от традиций свободы личности, добровольных группировок и свободных соглашений, ставших основой для правил поведения,—традиций,

которые были сущностью всех предыдущих народных движений и всех учреждений народного творчества; если он отбросит эти традиции и примет традиции католического Рима,—тогда ему нечего будет делать в революции; он должен будет все предоставить буржуазии и ограничиться тем, чтобы выпросить у нее несколько уступок.

Идея государственности абсолютно чужда народу. К счастью, он ничего в ней не понимает, не знает как ею пользоваться. Он остался народом; он остался пропитанным теми понятиями, которые называются обычным правом—понятиями, основанными на идеях взаимной справедливости среди людей, на реальных фактах, в то время как государственное право основано либо на понятиях метафизических, либо на лжи, либо на толкованиях слов, созданных в Риме или Византии в период разложения, для того, чтобы оправдать эксплоатацию и притеснение народных прав.

Народ несколько раз пробовал вступить в состав государства, завладеть им, пользоваться им. Он никогда этого не мог достичь.

И он кончал тем, что предоставлял этот механизм иерархии и законов—другим: государю после революций шестнадцатого века; буржуа в Англии после революции семнадцатого века и во Франции—восемнадцатого века.

Буржуазия, наоборот, совершенно слилась с государственным правом. Это то и составляет ее силу. Это то и дает ей то единство мысли, которое поражает нас каждое мгновение.

В самом деле, Ферри может презирать Клемансо; Флоке, Фресине или Ферри могут задумывать удары, которые они готовят для того, чтобы

сорвать президентство у какого-нибудь Греви или Карно; папа и его духовенство могут ненавидеть трех соучастников и вырывать у них почву из-под ног; буланжист может одинаково ненавидеть и духовенство и папу, Ферри и Клемансо. Все это возможно, и все это делается. Но нечто высшее этих чувств ненависти соединяет их всех, от бульварной кокотки до приторно-сладкого Карно, от министра до последнего профессора светского или духовного лицея. Это культ власти.

Они не могут понять общество без сильного и властного правительства. Жить без централизации, без иерархии, простирающей свои лучи от Парижа или Берлина до последнего сельского стражника и заставляющего последнюю деревушку поступать согласно приказаниям столицы,—для него все равно, что исчезнуть обществу. Если уничтожить свод законов—созданный монтаньярами конвента [1]) и принцами империи,—они не увидят ничего, кроме убийств, пожаров, грабежей на улицах. В устранении собственности, охраняемой сводом законов, они видят пустынные поля и разрушенные города. В уничтожении армии, доведенной до животной слепой покорности своим начальникам, они видят страну во власти завоевателей, и без судей, окружаемых таким же уважением, как Тело Христово в средние века, они предвидят войну всех против всех. Министр и стражник, папа и наставник абсолютно сходятся на этих пунктах и это то и составляет их общую силу.

Они великолепно знают, что воровство—постоянное явление во всех министерствах, военных

[1]) Так называлась крайняя партия в революционном Конвенте 1792 г.

и гражданских. Но „это не важно!“ говорят они; это лишь случаи с отдельными лицами, и пока существуют министерства, кошелек и отчизна будут в безопасности.

Они знают, что выборы делаются при помощи денег, кружек пива и благотворительных праздников, и что в палате голоса покупаются местами, концессиями и воровством. Все равно!—закон, принятый представителями народа, будет почитаться ими как священный. Его будут обходить, его будут нарушать, если он помешает, но будут произносить пламенные речи о его божественном значении.

Президент Совета и глава оппозиции могут оскорблять друг друга в палате; но, закончив обмен слов, они возвращают друг другу взаимное уважение: они две главы, два необходимых лица в государстве. И если в трибуналах прокурор и адвокат перебрасываются над головою обвиняемого оскорблениями и называют друг друга в цветистых выражениях лгунами и мошенниками,— то, закончив свои речи, они пожимают друг другу руки и поздравляют один другого с блестящим заключением речи. Это не лицемерие и не умение жить. В глубине души адвокат восхищается прокурором, а прокурор восхищается адвокатом; они видят друг в друге нечто, что выше их личностей: две функции, два представителя правосудия, правительства, государства. Все их воспитание подготовило их к тому, чтобы уметь подавлять свои человеческие чувства под формулами закона. Никогда народ не достигнет этого совершенства, и он хорошо бы сделал, если бы никогда не захотел этого попробовать.

Общее обожание, общий культ об'единяет всех буржуа, всех эксплоататоров. Представитель власти

и глава законной оппозиции, папа и атеист-буржуа одинаково поклоняются одному богу, и этот бог власти живет в самых отдаленных закоулках их мозга. Потому то они, несмотря на все свои разделения, остаются соединенными. Глава государства отделится от главы оппозиции, и прокурор отделится от адвоката в тот день, когда тот вздумает сомневаться в учреждении парламента, или когда адвокат обойдется с трибуналом по нигилистски, т. е. будет отрицать его право на существование. Тогда, и только тогда, они смогут разделиться. Пока же они соединены для того, чтобы посвятить свою ненависть тем, кто подрывает верховную власть государства и разрушает уважение к власти. К ним они неумолимы.

И если буржуа всей Европы посвятили столько ненависти к работникам Парижской Коммуны—это значит, что они видели в них настоящих революционеров, готовых выбросить через борт государство, собственность и представительное правительство.

Понятно, какую силу дает буржуазии этот общий культ иерархического права.

Несмотря на то, что она на три четверти сгнила, в ней все же сохранилась добрая четверть людей, крепко держащих знамя государства. Прилежные к работе, преданные делу, как вследствие своего преклонения перед законом, так и вследствие своего аппетита к власти, они работают без отдыха над укреплением и распространением этого культа. Вся необ'ятная литература, все школы без исключения, вся пресса к их услугам и особенно в юности они работают без отдыха, борясь со всеми попытками поколебать идею законной государственности. И когда наступает момент борьбы—все, как слабые, так и сильные

тесно сплачиваются вокруг этого знамени. Они знают, что будут царствовать до тех пор, пока это знамя будет развеваться.

Понятно также, каким безумием было бы привлечь революцию под это знамя и пробовать повести народ навстречу этим традициям для того, чтобы принять этот принцип господства и эксплоатации. Власть—это их знамя, и пока народ не будет иметь другого знамени, которое будет выражением его коммунистических, антизаконных и антигосударственных—коротко говоря антиримских—стремлений, он будет давать другим господствовать над собой.

Именно здесь революционер должен обладать смелостью мысли. Он должен иметь мужество для окончательного разрыва с римско-католическими традициями; он должен иметь смелость сказать народу, чтоб он сам перестроил общество на основаниях действительной справедливости, той, которую понимает обычное народное право.

Уничтожение государства—вот задача революционера, того, кто обладает смелостью мысли, без которой не делают революций.

В этом он имеет против себя все традиции буржуазии. Но зато он имеет за себя все развитие человечества, которое налагает на нас обязанность в этот исторический момент освободиться от той формы группировки, которая, может быть, сделалась необходимой, благодаря невежеству прошедших времен, но которая отныне стала враждебной прогрессу будущего.

В то же время уничтожение государства осталось бы пустым звуком, если бы причины, создающие нищету, попрежнему бы существовали. Как богатство могущественных, как капитал и

эксплоатация, так и государство родилось от обеднения одной части общества. Всегда требовалось, чтобы одни впадали в нищету вследствие переселений, нашествий, чумы или голода, для того, чтобы другие обогащались и приобретали власть, которая отныне могла расти, делая возможность существования масс все более и более ненадежной и необеспеченной.

Политическое господство не может быть уничтожено, пока не будут уничтожены сами причины обеднения и обнищания масс.

И для этого—мы уже много раз повторяли это,—мы видим лишь одну возможность.

Прежде всего нужно всем обеспечить существование и даже достаток, и сорганизоваться обществами таким образом, чтобы производить все то, что необходимо для подобного обеспечения. При возможности действительного производства это более чем возможно: это легко выполнимо.

Затем нужно принять то, что следует из всего современного экономического развития, т. е. взять общество целиком как нечто, производящее богатства, без возможности определить ту часть, которая возвращается к каждому в производстве. Нужно сорганизоваться в коммунистическое общество,—не для рассмотрения абсолютной справедливости, но потому, что стало невозможным определить участие индивидуума в том, что уже не является больше индивидуальной работой.

Как видно, задача, лежащая перед революционером нашего времени, необ'ятна. Тут дело касается не какого-нибудь простого отрицания:— например, уничтожение крепостного права или главенства папы.

Здесь вопрос идет о работе созидательной Мы должны открыть новую страницу мировой истории, выработать новый порядок вещей, — основанный не на солидарности внутри одного племени или сельской или городской общины, но на солидарности и равенстве всех. Попытки солидарности, ограниченной либо узами родства, либо территориальными разграничениями, или принадлежностью к гильдии или классу, не имея успеха, привели нас к работе над построением общества, основанного на совершенно другой идее, чем та, на которой основывались общества в средние века или в древности.

Решение задачи несомненно не так просто, как ее часто представляют. Переменить людей у власти и вернуть каждого в его мастерскую, чтобы он принялся там за вчерашнюю работу, пустить в обращение рабочие боны и обменивать их на товары — эти простые решения будут недостаточны. Это будет не жизненно, потому что действительное производство одинаково ложно как в целях, которые оно преследует, так и в средствах, которые оно употребляет.

Созданное чтобы поддерживать бедность, оно не сумеет обеспечить избыток,—и этот избыток потребуют массы, которые поняли свою продуктивную силу, безмерную благодаря прогрессу современного искусства и техники. Преобразованная с целью держать массы в состоянии близком к нищете, с призраком голода, всегда готовым заставить человека продавать свои силы владельцам земли, капитала и права,—как сможет действительная организация производства дать человеку благосостояние?

Преобразованные в целях поддерживать иерархию трудящихся, созданные для того, чтобы экспло-

атировать крестьянина в пользу индустриального рабочего, углекопа в пользу механика, ремесленника в пользу артиста и так далее, в то время как цивилизаванные страны будут эксплоатировать страны отсталые,—как смогут земледелие и промышленность, такие, каковы они сегодня, обеспечить равенство?

Весь характер земледелия, промышленности, работы нуждается в полном изменении в том случае, если общество придет к той мысли, что земля, машины, заводы должны сделаться полем приложения труда с целью дать благосостояние одинаково всем. Прежде чем „вернуться в мастерския после революции“, как нам говорят творцы социалистическо-государственных утопий, нужно еще узнать, имеет ли та мастерская или тот завод, производящий усовершенствованные орудия обучения или преступления, свой смысл существования; должно ли поле быть раздроблено или нет, если культура останется такой же, какой она была у варваров полторы тысячи лет тому назад, или же она должна стремиться дать наибольшее количество необходимых человеку продуктов.

Надо пройти целый период преобразований. Надо ввести революцию на завод и в поле, в хижину и городской дом, в земледельческое орудие и в могучую машину больших мастерских, в группу текстильных рабочих и в экономический союз всех работающих, в обмен и в торговлю, которые также необходимо социализировать, в потребление и в производство.

Нужно, кроме того, чтобы весь мир жил в этот период преобразований: чтобы весь мир чувствовал себя более спокойно, чем в прошлом.

Когда жители коммуны двенадцатого века решили основать в восставших городах новое

общество, освобожденное от господина, они начали с заключения договора о солидарности всех жителей. Мятежники коммуны поклялись во взаимной поддержке друг другу; они приносили так называемые „соприсягательства“ коммун.

Именно договором подобного рода должна будет начаться социальная революция. Договор совместной жизни, но не смерти; единения, но не взаимного истребления. Договор солидарности для рассмотрения всего наследия прошлого как общего достояния, договор о разделе согласно принципам равенства всего того, что могло бы помочь пережить кризис: провианта и аммуниции, жилищ и накопленной энергии орудий и машин, знания и силы—договор солидарности для потребления продуктов так же, как и для пользовании средствами производства.

Сильные в своих заговорах, буржуа двенадцатого века,—даже в момент начала борьбы против господина, в целях существовать во время этой борьбы и благополучного доведения ее до конца,—они принялись организовать свое общество по гильдиям и ремеслам. Таким образом, они достигли того, что могли гарантировать известное благосостояние гражданам. Точно также, чувствуя себя сильной благодаря договору солидарности, который соединит общество в моменты радости и горя, победы и поражения, революция сможет, будучи тогда в полной безопасности, предпринять громадную работу по реорганизации производства и обмена. Если она хочет жить, она должна заключить этот договор.

И в своей новой работе, которая будет работой созидательной, народные массы должны будут расчитывать прежде всего на свои собственные силы, на свою собственную инициативу и свой организаторский гений, свою способность

проложить новые пути, потому что все буржуазное воспитание шло по совершенно противоположным путям.

Эта задача огромна. Но не в поисках уменьшения ее заранее найдет народ необходимые силы для ее разрешения. Наоборот, в понимании всего ее величия, в черпании вдохновения даже во всех трудностях, найдет народ необходимый гений для победы.

Все действительно великие прогрессивные движения человечества, все действительно великие действия народов создавались таким образом, и в понимании всей величины своего задания найдет революция свои силы.

Не должен ли революционер быть в полном сознании возложенной на него задачи? и не закрывать глаз на все трудности? смотреть им прямо в лицо?

С заговором против всех своих хозяев—заговором с целью гарантировать для всех свободу, обеспечить для всех известное благосостояние—выступили граждане двенадцатого века. С требованием обеспечить для всех хлеб и свободу должна выступить социальная революция. Чтобы все без исключения знали, что когда случится революция, ее первой мыслью всегда будет снабдить всех жителей города или местности хлебом, жилищем, одеждой,—и в этом единственном деле общей солидарности революция найдет силы, которых не хватало предшествовавшим революциям.

Но для этого нужно отказаться от всех заблуждений древней политической экономии буржуазии. Нужно навсегда отделаться от вознаграждения во всех его возможных формах, и смотреть на общество, как на одно большое целое, организованное для достижения наибольшей про-

изводительности при наименьшей затрате человеческих сил. Нужно привыкнуть смотреть на персональное вознаграждение за услуги как на нечто невозможное, как на неудавшуюся попытку прошлого и как на препятствие для будущего в том случае, если она еще будет существовать.

И нужно отделаться не только в принципе, но в приложении на практике от принципа власти, от концентрации функций, которая составляет суть нынешнего общества.

При такой задаче было бы очень грустно, если бы революционные работники обманывали себя относительно ее простора, и не пробовали бы отдать себе отчет в том, каким образом они надеятся ее разрешить.

IV.

Буржуазия является силой не только потому, что она обладает богатством, но **главным образом потому, что она воспользовалась досугом, который ей дало богатство, чтобы изучить искусство управлять и выработать науку, которая служит для оправдания власти.** Она знает, чего она хочет, она знает, что нужно для того, чтобы ее идеал общества сохранился; а пока трудящийся также **не будет знать,** что ему нужно, и как этого достичь, он должен будет остаться рабом того, который **знает.**

Было бы, конечно, нелепо стремиться выработать в воображении общество таким, каким оно должно выйти из революции. Было бы праздным и неуместным вести заранее споры о способах удовлетворить ту или иную нужду будущего общества, или о форме организации той или иной детали народной жизни. Романы, которые мы выдумываем для будущего, предназначены лишь

для того, чтобы определять наши желания, доказывать возможность существования общества без хозяина, видеть, что идеал может быть применим, не сталкиваясь с непреодолимыми препятствиями. Роман остается романом. Но всегда находятся известные великие строки, с которыми надо согласиться, чтобы создать что бы то ни было.

Буржуа 1789 года прекрасно знали, что было бы тщетно спорить о деталях парламентского правления, о котором они мечтали; но они сходились на двух существенных пунктах: они хотели сильного правительства и это правительство должно было быть представительным. Больше того: оно должно было быть централизованным, имея в провинции органы с целой иерархией чиновников, и целую серию мелких управлений в избранных муниципалитетах. Но оно должно также быть построенным на двух отдельных ветвях; на власти законодательной и власти исполнительной. То, что они называли „правосудием", должно было быть независимым от власти исполнительной, и до известной степени и от власти законодательной.

Они сходились на двух существенных пунктах по вопросу экономическому. В их идеале общества частная собственность стоит вне всяких споров и пресловутая „свобода соглашений" провозглашалась как основной принцип организации. Еще больше, лучшие из них в самом деле думали, что этот принцип действительно возродит общество и явится источником богатства для всех.

Более применяясь к деталям, нежели оставаясь сильными в этих существенных пунктах, они могли в один или два года совершенно реорганизовать Францию согласно своему идеалу и дать ей свод гражданских законов (впоследствии узур-

пированный Наполеоном),—свод законов, который в течение девятнадцатого века копировался европейской буржуазией, когда она получала власть.

Они работали над этим в изумительном согласии. И если, вслед за тем, возникла страшная борьба в Конвенте, это произошло оттого, что народ, увидев себя обманутым в своих надеждах, пришел с новыми требованиями, которые не поняли его вожаки, или что некоторые из них тщетно старались примириться с буржуазной революцией.

Буржуа знали, чего они хотели; они давно думали об этом. В течение долгих лет они вынашивали идеал правления, и когда народ поднялся, они заставили его работать над реализацией их идеала, сделав ему по известным пунктам несколько второстепенных уступок, как, например, уничтожение феодальных прав или равенство перед законом [1]).

Не зарываясь в детали, буржуа задолго до революции установили общую линию будущего. Можем ли мы то же сказать о трудящихся?

К сожалению, нет. Во всем современном социализме, и главным образом в его умеренной части, мы видим явную тенденцию не углублять принципы общества, которое должно торжествовать через революцию. Это понятно. Для умеренных говорить революционно значит компрометировать себя, и они предвидят, что, нарисовав перед трудящимися простой план паллиативных реформ, они потеряют своих самых пламенных последователей. Они предпочитают также презрительно относиться к тем, кто говорит о будущем обществе или старается определить работу революции.

[1]) См. „Великую Французскую Революцию“.

„Потом будет видно, выберут лучших людей и они сделают все к лучшему!“ Вот их ответ.

Что же касается анархистов, то боязнь увидеть себя разделенными в вопросе о будущем обществе и парализованными в своем революционном порыве действует на них в том же смысле. Среди трудящихся обычно предпочитают отложить все споры, которые (совершенно несправедливо) называют теоретическими, и забывают, что, может быть, через несколько лет они должны будут сказать свое мнение по всем вопросам организации общества, от действия хлебных печей до действия школ или защиты территории,—и тогда они не будут иметь перед собою образцов английской революции, которой вдохновлялись жирондисты прошлого века.

В революционных кругах очень принято смотреть на революцию как на великий праздник, во время которого все устроится к лучшему само собой. В действительности же, в тот день, когда все старинные учреждения будут разрушены, в тот день, когда вся эта огромная машина, которая плохо ли, хорошо ли удовлетворяет насущные потребности большинства публики, перестанет действовать, тогда будет нужно, чтобы народ сам взялся за реорганизацию разбитой машины.

Ламартин и Ледрю-Роллен проводили по двадцать четыре часа над составлением декретов, скопированных со старых республиканских образцов, давно заученных наизусть. Но что говорили эти декреты?—Они повторяли лишь торжественные фразы, которые в течение лет обсуждались в республиканских собраниях и клубах, и эти декреты не касались ничего, что составляет суть

ежедневной жизни нации. Ибо временное правительство 1848 года не касалось ни собственности, ни вознаграждения, ни эксплоатации, оно могло лишь ограничиться более или менее громкими фразами: оно отдавало приказания, одним словом делало все то, что делают каждый день в учреждениях государства. Нужно было лишь изменить фразеологию. И в то же время одна эта работа поглотила все силы вновь пришедших.

Для нас, революционеров, которые понимают, что народ должен прежде всего есть и кормить своих детей, задача будет более трудной.—Имеется ли достаточно муки? Попадет ли она в печи булочных? И как сделать, чтобы доставка мяса и овощей не прекращалась? Имеет ли каждый жилище? Нет ли недостатка в одежде? и т. д. Вот, о чем придется нам думать.

Все это потребует работу громадную, жестокую в подлинном смысле слова со стороны тех, кому дорог успех революции.—„Одни были в лихорадке в течении восьми дней, шести недель“— писал один старинный член Конвента в своих мемуарах,—„мы же были в лихорадке в течении четырех лет без перерыва“. И изнуряемый этой лихорадкой, среди вражды и неприятностей, должен будет работать революционер.

Он должен будет действовать. Но как действовать, если он уже давно не знает, какой идеей ему руководиться, каковы те главные черты организации, которые, согласно ей, отвечают запросам народа, его обширным желаниям, его нерешительной воле?

И еще осмеливаются говорить, что все это не нужно, что все это устроится само собой! Буржуа, как более разумные, изучают уже способы, как обуздать революцию, как ее обмануть, по какому пути направить ее, чтобы она потерпела

крушение. Они изучают не только способы подавления оружием народных восстаний в деревнях (при помощи небольших блиндированных поездов и пулеметов) и в городах (здесь главные штабы изучили детали в совершенстве); но они изучают также, как руководить революцией, делая ей своевременно воображаемые уступки, сея раздор между революционерами, и главным образом направляя их по тому пути, на котором революция должна неизбежно завязнуть в грязи личных интересов и мелкой индивидуальной борьбы.

Да, революция будет праздником, если она будет работать над освобождением всех; но, чтобы это освобождение совершилось, революционер должен будет обнаружить смелость мысли, энергичность в действии, уверенность в суждении и строгость в работе, к которой народ редко доказывал свою способность в предыдущих революциях, но о которой уже начали мечтать предвестники в последние дни Парижской Коммуны и в первые дни забастовок последнего двадцатилетия.

V.

— „Но откуда же взять эту смелость мысли и эту энергию в работе, если их нет у народа? Не признаете ли вы сами—скажут нам—что если в народе нет недостатка в наступательной силе, то зато смелость мысли и строгость в преобразовании слишком часто изменяли ему?".

Мы вполне признаем это. Но мы также не забываем о той доли инициативы, которая появляется у людей во время революционных движений. И об этой то инициативе мы теперь хотим сказать несколько слов, чтобы закончить наш очерк.

Инициатива, свободная инициатива каждого, и возможность каждого заставить ценить эту силу во время народных восстаний, вот что придавало непреодолимую мощь революциям. Историки-государственники говорят о ней мало или совсем не говорят. Но именно на эту силу мы расчитываем, чтобы предпринять и закончить великую работу социальной революции.

Если революции прошлого сделали хоть что-нибудь, то исключительно благодаря мужчинам и женщинам инициативы, тем неизвестным, которые показывались в толпе, и не боялись принять перед своими братьями и сестрами ответственность за действия, которые казались трусам безрассудной смелостью.

Большая масса с трудом решается предпринять нечто, что не имело прецедента в прошлом. В этом можно убеждаться ежедневно. Если косность на каждом шагу покрывает нас плесенью, то только потому, что не хватает людей инициативы, которые разрушили бы все традиции прошлого и отважно бросились бы навстречу неизвестному. Но лишь только в мозгах зародится мысль, пока еще неясная, смутная, неспособная разбираться в действиях, и появятся люди инициативы и возьмутся за работу—за ними немедленно пойдут вслед другие, лишь бы только работа отвечала бы общим стремлениям. И если даже, разбитые усталостью, они уйдут, однажды начатая работа будет продолжаться тысячами последователей, о существовании которых никто не смел предполагать. Это история всей жизни человечества,—история, которую каждый может доказать на основании собственных глаз, собственного опыта. Лишь те, кто хотел итти навстречу желаниям и нуждам человечества, были прокляты и покинуты своими современниками.

К несчастью, люди инициативы встречаются в будничной жизни очень редко. Но в революционные эпохи они появляются и именно они, собственно говоря, и создают прочную работу революций.

На них наша надежда и упование в будущей революции. Лишь бы они имели правильный и следовательно широкий взгляд на будущее, лишь бы они имели смелость мысли и не стремились бы возродить прошлое, обреченное на смерть; лишь бы их вдохновлял высокий идеал,—и за ними пойдут. Никогда, ни в какую эпоху своего существования, человечество не ощущало большей потребности к великому вдохновению, как в данный момент нашей жизни, когда мы прожили целое столетие, полное буржуазного разложения и гнили.

———

Но чтобы они появились, нужна подготовительная работа. Необходимо, чтобы те новые идеи, которые отметят новое начало в истории цивилизации, были бы намечены до революции; чтобы они были усиленно распространены в массах с целью быть подвергнутыми критике практических умов и, до известной степени, экспериментальной оценке. Нужно, чтобы мысли, которые зародились до революции, были бы в достаточной мере распространены, для того, чтобы известное количество умов успели к ним привыкнуть. Нужно, чтобы слова: „анархия“, „уничтожение государства“, „свободное согласие рабочих групп и коммун“, „коммунистическая коммуна“ стали бы известными, настолько известными, чтобы интеллигентное меньшинство старалось бы их углубить.

Тогда такие как Шалье, Жак Ру, или Доливье будущей революции будут поняты массами,

которые после первоначального удивления заметят в этих словах выражение своих собственных стремлений.

— А зависть среди самих угнетенных? И не замечали ли часто и вполне правильно, что зависть является камнем преткновения среди демократии? Что если трудящийся слишком терпеливо переносит высокомерие своего хозяина, но смотрит завистливым взглядом на личное влияние товарища по мастерской.—Не будем отрицать этого; не будем прятаться за аргумент, вполне впрочем правильный, что зависть всегда рождает сознание, что товарищ, раз он только приобрел влияние, употребит его на то, чтобы предать своих вчерашних друзей, и что единственной возможностью парализовать зависть как предательство, было бы отнять у этого товарища, как у буржуа, возможность увеличивать свою власть, возможность сделаться хозяином.

Все это правильно, но есть еще больше. Мы все с нашим государственным воспитанием, видя возникающее влияние, думаем лишь о том, как его уничтожить, и мы забываем, что есть еще один более сильный способ парализовать вредные влияния или влияния, которые могут быть вредными. Этот способ—действовать лучше со стороны.

В рабском обществе этот способ невозможен, и мы, дети рабского общества, не думаем о нем. Если король стал невыносим, каким способом отделаться от него, как не убить? Если министр нам мешает, что делать как не искать другого, который бы его заместил? И если „народный избранник“ внушает нам отвращение, мы ищем другого, который бы составил ему конкуренцию. Так это делается. Но разве это разумно?

Что, в самом деле, могли сделать члены Конвента по отношению к королю, который не уступал им права, как не гильонитировать его? и что могли сделать Монтаньяры по отношению к Жирондистам, облеченным теми же правами,— как не послать их в свою очередь к палачу? И так, это прежнее положение осталось у нас до настоящего времени. И тем не менее единственный действительный способ парализовать вредное влияние, это **взять на себя инициативу действия и направить его в лучшую сторону.**

Также, когда мы слышим о революционерах, которые восторгаются при мысли о том, как придется заколоть или застрелить правителя, который может захватить власть во время революции, то нас охватывает страх при мысли, что силы настоящих революционеров могут иссякнуть в борьбе, которая была бы, в сущности, только борьбой за или против людей в шитых золотом мундирах. Об'явить им войну, это значит признать необходимость иметь других людей, также одетых в те же мундиры.

В 1871 году в Париже уже смутно предчувствуется лучший способ действия. Революционеры из народа казалось понимали, что „Совет Коммуны“ должен рассматриваться как простое украшение, как дань, уплачиваемая традициям прошлого; что народ не только не должен был разоружаться, но что он должен был сохранить рядом с Советом **свою внутреннюю организацию, свои союзные группы**, и что от этих групп, не от Городской Ратуши, должны исходить все необходимые меры для создания триумфа революции.

К несчастью, известная скромность народных революционеров, поддерживаемая также предрас-

судками власти, еще очень сильными в эту эпоху, мешали этим союзным группам совершенно обходить Совет и действовать так, как будто он не существовал совершенно, чтобы открыть новую эру в социальном строительстве.

Мы не избегнем возвращения этих попыток революционного правительства и во время будущей революции. Но будем по крайней мере знать, что самый действительный способ уничтожения его авторитета не будет государственный переворот, который вернет власть к иной форме, приводящей к диктатуре. Единственно действительным способом было бы дать народу силу, мощную в своем действии, в своей революционной работе строительства, которую она бы выполнила, вопреки правительству, как бы оно ни называлось, и постоянно увеличивая свою революционную инициативу, свое революционное вдохновение, свою работу строительства и разрушения. Во время Великой Революции 1789—1794 года секции Парижа и других больших городов и революционные управления в мелких городах, обходя Конвент и провинциальные органы революционного правительства, принялись набрасывать попытки реконструкции экономического переустройства и свободного согласия Общества. Это нам сегодня доказывают уже опубликованные документы, касающиеся деятельности этих мало известных органов революции — народных секций и обществ.

Над народом, который сумеет сам организовать потребление богатств и их производство в интересах всего общества, никто не сможет больше властвовать. Народу, который сам будет вооруженной силой страны, и который сумеет дать во-

оруженным гражданам связь и единство необходимых действий, никто не сможет повелевать. Народом, который сумеет построить свои железные дороги, свой флот, свои школы, никто не сможет управлять. И, наконец, народу, который сумеет организовать свои третейские суды для разбора мелких споров, и которые каждое лицо будет рассматривать как возможность помешать негодяю обмануть слабого, не дожидаясь высшего вмешательства полиции,—этому народу не будет нужно ни полицейских, ни судей, ни тюремщиков.

В революциях прошлого народ брал на себя работу разрушения; что же касается работы строительства, он предоставлял ее буржуа.—„Лучше нас знакомые с искусством управлять, приходите к нам, господа; организуйте нас, прикажите нам работать, чтобы мы не умерли с голоду; помешайте нам уничтожать друг друга, наказывайте и милуйте нас согласно тех законов, что вы создали для нас, нищих умом!“. И мы знаем, как избранные пользовались приглашением.

И так, задача, лежащая перед народом во время будущего восстания, это завладеть именно этой функцией, которую он некогда предоставлял буржуа. Она состоит в том, что надо создавать,—организовать, уничтожая, и строить, чтобы разрушать.

И уже настало время ввиду этой перестройки соединиться, чтобы быть в состоянии немедленно приняться за работу: изучать ошибки предыдущих революций так же, как и их хорошие стороны; анализировать; что они сделали, чтобы обеспечить хлеб для всех, производство всех богатств и обмен продуктов, и главным образом равенство в правах, без которого не может быть ни справедливости, ни братства. Наконец, изу-

чать по-товарищески способы избежания этих ошибок или по крайней мере уменьшения их насколько возможно.

Чтобы выполнить эту задачу, народная революция будет нуждаться во всем могуществе инициативы всех людей сердца, во всей смелости их мысли, освобожденной от кошмаров прошлого, во всей их энергии, всем их уме, она должна будет также остерегаться парализовать инициативу самых решительных; она должна будет просто удвоить их инициативу, когда ее недостает у других, когда она ослабевает или когда она принимает ошибочное направление. Смелость мысли, и главным образом полное и ясное сознание того, что хочешь, не только в отвлеченных обобщениях, но и в приложении к будничной жизни, сила созидательная, возникающая в самом народе по мере того, как растет отрицание власти, и, наконец, общая инициатива в созидательной работе,—вот что даст революции ту силу, которой она должна обладать, чтобы победить.

Именно эти силы старается развить активная пропаганда анархистов так же, как и сама философия Анархии. Дисциплине,—этому якорю спасения государственников,—они противоставляют свободную мысль и полную инициативу всех и каждого. Жалким идеям мелких реформ, провозглашенным обуржуазившимися партиями, они противоставляют великую и свободную мысль революции, которая одна только может дать необходимое вдохновение. И тем, кто желал бы, чтобы народ ограничился ролью пущенной против правителей стаи псов, всегда во-время сдерживаемой хлыстом, мы скажем: „Участие народа в революции должно быть положительным и в то же время разрушительным. Потому что

только он один может достигнуть реоргани-
зации общества на основах равенства и свободы для всех. Возложить эту заботу на других, значило бы изменить даже основе революции".

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЮЗА АНАРХО-СИНДИКАЛИСТОВ
„ГОЛОС ТРУДА“.

Петербург. Проспект Володарского, 56.
Москва. Тверская, 70.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

М. Бакунин.—Избран. соч. т. I Государственность и Анархия с биографич. очерком В. Черкезова	Ц. 40 р.	— к.
Его-же.—Т. II Кнуто-Германская Империя и Социальная Революция	Ц. 60 „	— „
Его-же.—Бог и Государство	Ц. 1 „	25 „
Ж. Грав.—Будущее Общество	Ц. 15 „	— „
Ж. Ивто.—Азбука Синдикализма	Ц. — „	50 „
П. Кропоткин.—Анархия	Ц. 4 „	50 „
П. Кропоткин.—Анархическая работа во время Революции	Ц. — „	— „
Его-же.—Коммунизм и Анархия	Ц. 2 „	— „
Его-же.—К молодому поколению	Ц. 1 „	— „
Его-же.—К чему и как прилагать труд ручной и умственный	Ц. 8 „	— „
Его-же.—Новый Интернационал	Ц. — „	10 „
Его-же.—Политические права	Ц. — „	10 „
Его-же.—Хлеб и Воля	Ц. 55 „	— „
Э. Малатеста.—Избранные сочинения	Ц. 10 „	— „
Его-же.—Анархизм	Ц. 3 „	25 „
Его-же.—Краткая Система Анархизма	Ц. 5 „	— „
Его-же.—Крестьянские речи	Ц. 3 „	— „
М. Неттлау.—Взаимная ответственность и солидарность в борьбе Рабочего Класса	Ц. 4 „	50 „
Ф. Пеллутье.—История Бирж Труда	Ц. 42 „	— „
Траутман, Эттор и др.—Производственный Синдикализм (Сборник статей об Индустриализме)	Ц. 15 „	— „
С. Фор.—Преступления Бога	Ц. — „	50 „

Цена 6 руб.
